

Статья актуализирует проблемы соотношения норм международного и национального судебного права в связи с формулировками и применением пунктов 1 и 4 статьи 15 Конституции РФ и ряда норм федерального конституционного законодательства, а также формализацией политических взглядов на означенные проблемы. Сделан вывод о существенном и принципиально неустранимом в рамках сложившейся модели конституционализма противоречии, заложенным основным законом; предлагаются поправки в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; Конституционный Суд РФ; российское судебное право; Конституция России; источники права.

Ирина Геннадьевна Пирожкова, канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент, кафедра «Конституционное и административное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»; pirozhkova@list.ru

Елена Николаевна Лисицына, старший инспектор, отдел делопроизводства и режима, УВД на ММ ГУ МВД России по г. Москве; l.gorba4eva2013@yandex.ru

ДИСКУССИОННЫЕ НОРМЫ РОССИЙСКОГО СУДЕБНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЮРИСДИКЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Основной закон России в ст. 46 постулирует нормативно закрепленную возможность граждан, исчерпавших все внутренние средства правовой защиты и не добившихся восстановления своих прав, обратиться в межгосударственные правозащитные органы.

Решение международных властных органов в соответствии с конституционной доктриной РФ могут быть источником национальной системы права. В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ говорится, что в правовой системе РФ признают и действуют общепризнанные стандарты, принятые в международном сообществе.

В частности, со вступлением Российской Федерации в 1996 г. в Совет Европы для России стали обязательными такие международно-правовые документы, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколы к ней, которые являются основанием судебной практики Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Толкование и смысл положений этого основополагающего международного документа в области прав человека также выявляется ЕСПЧ при разрешении конкретных жалоб граждан, формируя целую систему конвенционных прецедентов, развивающих и дополняющих Европейскую Конвенцию.

Российская Федерация подтвердила данные положения Конституции принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» в 1998 г. (№ 54-ФЗ).

Положения ст. 15 Конституции нашли свое дальнейшее развитие в статье 5 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (№ 101-ФЗ), согласно которой положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

Таким образом, решения Европейского Суда по правам человека, имея прецедентный характер, являясь в силу обязательств России частью российской правовой системы и выступая основанием для вынесения решений различными органами государственной власти, в том числе Конституционным Судом РФ, выступают источником российского конституционного права, причем в силу положений п. 4 ст. 15 Конституции РФ прецедентные решения Европейского Суда имеют преимущественную силу в случае несоответствия им норм национального права и решений судебных органов России.

Данный, на первый взгляд однозначный, вывод может быть подвергнут критике в связи с формулировкой п. 1 ст. 15 Конституции, которая среди прочего устанавливает свою высшую юридическую силу, что понимается как примат ее норм над нормами, создаваемыми международными обязательствами России.

При анализе норм отечественного законодательства следующего уровня выясняется некоторое противоречие. ФЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (№ 1-ФЗ от 21.07.1994) устанавливает императивную норму: «решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию» (ст. 79). При этом Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод не содержит ограничений по поводу невозможности изменения решений национальных органов конституционного правосудия, в том числе, и высшего порядка. Учитывая вышесказанное о приоритете прецедентной практики ЕСПЧ в системе национального законодательства, данная норма потенциально может породить коллизии, так как решение высшего судебного органа может вступить в противоречие с положениями, созданными ЕСПЧ. Данная статья фактически перечеркивает любые возможные попытки создания механизма отмены решений КС РФ. Эта проблема не только теории строения нормативного материала. В научной литературе содержится анализ противоречий в позиции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, а также прецеденты в схожей ситуации из зарубежного судебного опыта [3 – 6].

Еще одним противоречием в рассматриваемой сфере, заложенным в конституционном законодательстве России, являются нормы ст. 3 и ч. 3 ст. 5 ФЗ «О судебной системе Российской Федерации» и нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Акт, регулирующий построение судебной системы РФ, провозглашает следующее, говоря о ее единстве, которое достигается применением «всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных до-

говоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации» (ст. 3).

В том же порядке нормативные акты перечисляет ч. 3 ст. 5 данного закона: «Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, закону субъекта Российской Федерации, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу». И если первая цитата просто перечисляет виды нормативных актов, то во второй прямо устанавливается их иерархия для действий судов.

Важнейшим принципом права в демократическом государстве в условиях гражданского общества является механизм ознакомления субъектов правовых отношений с нормами права, в том числе теми, что закрепляют их свободы. Также конституционным принципом построения правовой системы российского государства является ее единство на всей его территории. В контексте рассматриваемого статуса правовых решений ЕСПЧ относительно России, два эти принципа плохо согласуются с существующим механизмом ознакомления с правовыми нормами, продуцируемыми Страсбургским судом.

Организация ЕСПЧ подразумевает согласно его Регламенту создание коммуникационной инфраструктуры: для информирования о работе суда создана обширная база решений Суда, интерактивные формы подачи жалоб и иных документов. В соответствии с Регламентом собственно подача жалобы в стандартных условиях и процедура ее рассмотрения вообще не требует присутствия заявителя, что предполагает высокую эргономику организации судебной информации и юридическую технику ее систематизации. Такая систематизация отработана также веками существования прецедентной системы права в англо-саксонском правовом поле. Однако, язык вербализации этой информации – официальный для решений ЕСПЧ – не является государственным и понятным для большинства россиян. Знание правовых позиций Страсбургского суда предполагает механизм свободного доступа к ним как правоприменителей, так и частных лиц. В настоящее время существенной проблемой является отсутствие источника официального опубликования решений ЕСПЧ для русскоязычных носителей прав. Такое положение дел может противоречить Конституции РФ, устанавливающей право индивида знать свое правовое положение.

Принцип правовой определенности в судебном праве также нарушается отсутствием официального механизма опубликования норм, продуцируемых ЕСПЧ в отношении России. В связи с этим представляется важным принятие соответствующего федерального закона, что обеспечит доступность, единое понимание, возможность изучения и практического применения прецедентных решений ЕСПЧ.

В связи с вышеизложенным, следует более четко определить в отечественном законодательстве место решений Европейского Суда по правам человека в правовой системе, а также порядок разрешения частных вопро-

сов, касающихся возможных предметов проверки, порядка опубликования решений, сферы их действия, механизмов исполнения подобных решений и возможного влияния решений на право, их исполнения и учета в правоприменительной практике.

Данная необходимость наталкивается на практически неразрешимые противоречия, заложенные конституционным правовым материалом, в ст. 15, частями 1 и 4, которые фиксируют иерархию нормативных источников отечественной системы права и ставят правоприменителя в двусмысленное положение, не обозначив четко место в данной иерархии норм Конституции и международных актов в зависимости друг от друга. Причем местоположение этой статьи в первой главе Конституции при сложившихся теоретических и практических механизмах ее изменения не дает шансов ликвидировать это противоречие.

Для точного определения места решений Европейского Суда в системе источников российского права, для исключения возможной коллизии между решением Европейского Суда и высших судебных органов Российской Федерации, необходимо принятие федерального (федерально-конституционного) закона, содержащего нормы о месте решений Европейского Суда по правам человека в системе источников права и действиях их в Российской Федерации.

Статус решений Конституционного Суда РФ, которые согласно соответствующему федеральному конституционному закону, не могут быть оспорены в принципе, также образует противоречие с признанием решений ЕСПЧ в качестве необходимых к исполнению. В этой связи, считаем необходимым изменить жестко императивную формулировку ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» на следующую: «Решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию, если не противоречит решениям Европейского Суда по правам человека, по жалобам, где в качестве государства-ответчика выступает Российская Федерация». Причем, необходимость упоминания в подобном варианте изложения только одного судебного органа международной юстиции – ЕСПЧ – не может быть догмой, в связи с включенностью России в иные судебные-правовые отношения в международном пространстве.

Эти аспекты конституционного правосудия стали предметом рассуждений в публицистике В. Зорькина, председателя Конституционного Суда РФ: «...лучшее знание национальными властями своего общества и его потребностей означает, что эти власти в принципе занимают приоритетное положение, в отличие от международных судов, для оценки того, в чем состоит публичный интерес» [2]. Формально-правовым, последовательным следствием позиции, созвучной позиции председателя Конституционного Суда РФ, должна стать денонсация Конвенции. В условиях суверенно принимаемого решения о ратификации Конвенции отказ исполнять некоторые решения ЕСПЧ, «выборочное» толкование ее решений национальными органами судебной власти неминуемо приведут Россию к разрыву с Европейским сообществом.

Таким образом, данный принципиальный конфликт, заложенный в конституционном праве России нормами, охраняющими ее суверенитет

в правовой сфере, и нормами, интегрирующими ее правовое пространство в общеевропейскую систему, на уровне частного мнения весьма авторитетного лица представляется не имеющим решения в сложившемся в настоящий момент нормативном материале. Долгосрочными издержками этой коллизии является дискредитация самой идеи существования прав человека, так как их судебная защита есть основной механизм их реализации и восстановления, а также подрыв доверия к национальной судебной системе, подрыв самой идеи государственности.

Список литературы

1. Доклад на VIII Международном форуме по конституционному правосудию под эгидой Конституционного Суда Российской Федерации состоялся 9–10 декабря 2005 года в г. Москве на тему «Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilpp.ru/7440081026> (дата обращения: 20.11.2017).
2. Зорькин В. Предел уступчивости [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (дата обращения: 20.11.2017).
3. Кучин М. В. Прецедентное право Совета Европы и правовая система РФ: проблемы взаимопонимания // Правоведение. 2001. № 1. С. 50 – 52.
4. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 103 – 116.
5. Султанов А. Р. Очерк о применении норм Конституции Российской Федерации и исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации в арбитражных судах и судах общей юрисдикции // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 283 – 313.
6. Сухов Э. В. Проблема противоречий решений Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 66 – 69.

References

1. <http://www.ilpp.ru/7440081026> (accessed: 20 November 2017). (In Russ.)
2. <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (accessed: 20 November 2017). (In Russ.)
3. Kuchin M.V. [The case law of the Council of Europe and the legal system of the Russian Federation: problems of mutual understanding], *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2001, no. 1, pp. 50-52. (In Russ.)
4. Lapayeva V.V. [Criteria for limiting human rights from the perspective of the libertarian concept of legal understanding], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 4, pp. 103-116. (In Russ.)
5. Sultanov A.R. [Essay on the application of the norms of the Constitution of the Russian Federation and the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in arbitration courts and courts of general jurisdiction], *Bulletin Civil Process*, 2012, no. 2, pp. 283-313. (In Russ., abstract in Eng.)
6. Sukhov E.V. [The problem of contradictions between the decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation], *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2011, no. 1, pp. 66-69. (In Russ.)

**DISCUSSION NORMS OF THE RUSSIAN JUDICIAL LAW
IN THE CONTEXT OF JURISDICTION
OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS**

I. G. Pirozhkova, *Candidate of Law, Candidate of History,
Department of Constitutional and Administrative Law
Tambov State Technical University;
pirozhkova@list.ru*

E. N. Lisitsyna, *Senior Inspector Office and Registry Department
Internal Affairs Office of on the Moscow Metro,
Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow;
l.gorba4eva2013@yandex.ru*

The article updates the problems of the correlation between the norms of international and national judicial law in connection with the wording and application of Article 15, paragraphs 1 and 4, of the Constitution of the Russian Federation and a number of federal constitutional laws, as well as the formulation of political views on these issues. The conclusion is made that the contradiction inherent in the basic law is essential and inherently unavoidable within the framework of the existing model of constitutionalism; amendments are proposed to the Federal Law "On the judicial system of the Russian Federation".

Keywords: European Court of Human Rights; Constitutional Court of the Russian Federation; Russian judicial law; Constitution of Russia; sources of law.

© И. Г. Пирожкова, 2018

© Е. Н. Лисицына, 2018

Статья поступила в редакцию 18.01.2018